

Мальчик-невидимка, Рэй Брэдбери

Она взяла огромную железную ложку и высушенную лягушку и ударила по ней так, что от нее осталась только горстка праха, а затем стала бормотать над ним что-то невнятное, ловко растирая его между своими жесткими от старости руками. Птичьими глазами, похожими на бусинки, она то и дело поглядывала в сторону хижины. И каждый раз, когда она смотрела туда, в маленьком, узком окошке, показывалась и тут же исчезала голова, так, как будто в нее стреляли из пулемета.

- Чарли! – крикнула старуха. – Давай уже, выходи оттуда! Я делаю змеиный талисман, уж он отопрет эту ржавую дверь! Выходи сейчас же, а не то я сделаю так, что земля затрясется или деревья загорятся огнем или солнце сядет в полдень!

Но ни звука в ответ не последовало, лишь только теплый свет с гор окружает верхушки скипидарных деревьев, пушистая белка скачет по покрытому мхом бревну, только муравьи коричневой вереницей ползут по босым, жилистым ногам старухи.

- Да ты уже ведь два дня ничего не ел, бестолковый! – выдохнула она, постукивая ложкой по плоскому камню так яростно, что ее серый колдовской мешочек на поясе закачался из стороны в сторону. Вся покрытая потом, она встала и направилась прямо к хижине, держа в ладони магический порошок из лягушки.

- Выходи сейчас же! – она кинула горсть порошка в замочную скважину.

- Ах так! Ну что ж, я сама войду! – прошипела она.

Она покрутила дверную ручку своей темной, как грецкий орех рукой, сначала в одну сторону, затем в другую.

- О Боже, - взмолилась она, - распахни же для меня эту дверь!

Когда ничего не произошло и дверь не отворилась старуха кинула еще немного магического порошка и затаила дыхание. Шурша своей помятой синей юбкой, старуха еще раз проверила свой таинственный мешочек на наличие какой-нибудь чешуйчатой твари, или еще какого-нибудь более действенного магического средства чем эта лягушка, с

которой она разделалась много месяцев назад как раз для такого случая, как этот.

Она слышала дыхание Чарли за дверью. В начале недели его родители уехали в какой-то город в Озаркских горах, а мальчика оставили дома одного, и он, испугавшись оставаться в одиночестве, пробежал почти шесть миль до дома старухи. Она была ему теткой или двоюродной бабушкой или еще кем-то их дальних родственников и он закрывал глаза на все ее причуды.

Но все изменилось два дня назад. Старуха, привязавшись к мальчику, решила оставить его у себя насовсем, чтобы не было так одиноко. Она кольнула свое худое плечо иглой, выдавила три бусинки крови, плюнула через свой правый локоть, раздавила ногой сверчка, а левой когтистой рукой схватила Чарли и закричала:

- Теперь ты мой сын, мой сын, навеки!

Чарли вскочил, будто испуганный заяц, и кинулся бежать в кусты, намереваясь сбежать домой.

Но старуха ринулась вслед за ним, проворно, словно пестрая ящерица, и настигла его. Тогда он заперся от нее в хижине и отказался выходить, несмотря на то, что она то и дело барабанила в дверь, стучала в окно, в сучковатые доски желтым кулаком, ворожила над огнем и твердила, что он теперь – ее сын, только ее и все тут.

- Чарли, ты здесь? – спросила она, проделывая дырки в досках своим острым взглядом.

- Да здесь я, здесь, – устало отозвался Чарли.

Может быть, он свалится без сил в любой момент. Она еще раз с надеждой повертела дверную ручку. Может ли быть, что она кинула слишком много порошка и замок заело? «Всегда я, как колдую, то мало, а то перебор, - подумала она сердито, - никогда ровно не угадаю, черт бы его побрал!»

- Чарли, да мне всего лишь нужен кто-нибудь, чтобы поболтать по вечерам, кто-нибудь, с кем руки погреть у костра. Кто-то, кто хворосту с утра принесет, отгонит блуждающие огни, которые прячутся в вечернем тумане. Никакой тут ловушки нет, сынок, просто составь компанию старухе. Она причмокнула губами.

- Вот что я скажу тебе, Чарльз, если выйдешь, я тебя столькому научу!

- И чему же например? – с подозрением спросил он.

- Научу, как покупать задешево, а продавать задорого. Излови горноста, отруби ему голову, и пока теплая, положи в свой задний карман. Вот как!

- Бе-е-е, - протянул Чарли.

Она засуетилась.

- Научу, чтоб никакая пуля тебя не брала. Вот выстрелит хоть кто в тебя из ружья, и ничегошеньки тебе не сделается.

Чарли все не отзывался, и тогда она решилась открыть ему эту тайну, сказала прерывистым шепотом:

- В пятницу, в полнолуние, накопай мышиногo корня, свяжи пучок и носи на шее на белой шелковой нитке.

- Да ты с ума сошла. – сказал Чарли.

- Научу тебя, как останавливать кровь, как зверей пригвождать к месту, как слепых лошадей исцелять, всему-всему я тебя научу! Как вылечить распухшую корову, как расколдовывать козу. Научу, как невидимкой стать можно!

- О! – заинтересованно воскликнул Чарли.

Сердце старухи забилося так истошно, как барабан солдата Армии спасения.

Ручка двери медленно повернулась.

- Ты одурачить меня хочешь, - с недоверием сказал Чарли.

- Ни в коем разе, - воскликнула старуха, - я, Чарли, сделаю тебя прозрачным, словно окошко, все сквозь тебя видно будет! Вот ты диву дашься!

- Правда невидимкой сделаешь?

- Честное слово, будешь невидимкой!

- А ты не бросишься на меня, когда я выйду?

- Да я тебя и пальцем не трону, сынок.

- Ну, - нерешительно протянул Чарли, - тогда ладно.

Дверь отворилась. Чарли стоял босиком, с опущенной головой.

- Ну что, делай меня невидимым.

- Сначала нужно изловить летучую мышь, - ответила старуха. – Ну же, ищи!

Она дала ему немного вяленой говядины, чтобы утолить голод, и смотрела, как он взбирается на дерево. Он лез все выше и выше, а старуха все радовалась, глядя на него и зная, что он рядом и никуда не

денется, после всех этих одиноких лет, когда ей некому было сказать даже «доброе утро», только птичьему помету да серебряному улиткиному следу.

Довольно скоро, шурша между веток, с дерева падает летучая мышь со сломанным крылом. Старуха подхватила ее, теплую, дрожащую, свистящую сквозь белые фарфоровые клыки, а Чарли тем временем уже спускался вниз по стволу, издавая радостный победный клич.

В эту же ночь, в тот час, когда луна стала обкусывать пряные сосновые шишки, старуха достала из складок своего широкого синего платья длинную серебряную иглу. Сохраняя волнение и таинственность, она сжала в руке иглу и нацелила ее на мертвую летучую мышь.

Она уже давным-давно поняла, что все ее колдовство, несмотря на все ее старания, всяческие соли и серные пары, никак не работает. Но она всегда грезилась о том, что когда-нибудь польются рекой чудеса, багряные цветы, серебряные звезды, а это будет значить, что господь простил ее за розовое тело и розовые мечты, ее пылкое тело и пылкие мысли юности. Но, увы, господь не смиростивился и не послал никакого знамения или слова напутствия, и об этом всем, никто, кроме самой старухи, не ведал.

- Ну что, готов? – спросила она Чарли, сидящего, поджав колени, обняв ноги длинными, в пупырышках, руками, и приоткрыв рот.

- Готов, - содрогаясь, прошептал он.

- Вот так! – она глубоко воткнула иглу в правый глаз летучей мыши

- Ох! – воскликнул Чарли, закрыв лицо руками.

- Сейчас я заверну ее в платок, а ты положи ее в свой карман и держи ее там вместе с платком. Давай же!

Он упрятал амулет в карман.

- Чарли! – со страхом в голосе прокричала старуха, - Чарли, где же ты? Я не вижу тебя, сынок!

- Здесь! – он прыгнул и свет красными бликами пробежал по его телу.

– Тут я!

Ее глаза смотрели так, будто видели тысячи светлячков, кружащихся в диком ночном небе.

- Чарли, ох уж и быстро ты пропал! Так же быстро, как и колибри!

Чарли, вернись ко мне!

- Но я же здесь! – всхлипнул он.

- Да где же?

- Возле костра, рядом с ним! И я вижу сам себя. И совсем я не невидимка!

Тощее тело старухи затряслось от смеха.

- Ну конечно же ты себя видишь! Любой невидимка может видеть сам себя. А иначе, как бы ты ел, ходил, гулял? Чарли, дотронься до меня. Дотронься, чтобы я поняла, где ты.

Он нерешительно протянул к ней руку. Старуха претворилась, что испугалась, и вздрогнула, когда он прикоснулся к ней.

- Ой!

- Ты что, правда меня не видишь? – спросил он. – Правда?

- Ничегошеньки не вижу!

Она нашла блестящими глазами дерево, и старалась смотреть на него, остерегаясь глядеть на Чарли.

- Ох и хорошо же вышло в этот раз! – вздохнула она с восхищением, - Здорово то как! Никогда еще я не делала невидимок так быстро!

Чарли, а, Чарли, ну как ты себя ощущаешь?

- Как вода в ручье, когда ее взбаламутишь.

- Ничего, это пройдет.

Затем, после небольшой паузы, она добавила:

- Ну что, Чарли, что же ты хочешь сделать, пока ты невидимка?

Она заметила, сколько разных мыслей проносилось в тот момент в его голове. Приключения огоньками плясали в его глазах, и даже по его широко открытому рту можно было сказать, что значит быть мальчиком, который вообразил себя горным ветром. Словно во сне, он заговорил:

- Я побегу по пшеничным полям, взберусь на заснеженные вершины гор, стащу белых кур с фермы. Буду пинать розовых свиней. Буду красивых девчонок щипать за ноги, когда спят, а в школе дергать их за подвязки.

Чарли посмотрел на старуху, и она своим сверкающим взглядом заметила, как что-то злое исказило лицо мальчика.

- И много еще чего я сделаю, обязательно сделаю, - сказал он.

- Ты главное мне ничего плохого не делай, - пригрозила старуха, - я такая же хрупкая, как весенний лед, так что без грубостей.

Затем она продолжила:

- А что на счет твоих родителей?

- Моих родителей?

- Не можешь же ты в таком виде заявиться домой! Ты же их до смерти перепугаешь! Твоя мама упадет в обморок, как надрубленное деревце. Думаешь, они будут рады тому, что будут спотыкаться о тебя на каждом шагу и звать тебя каждые три минуты, даже когда ты у них прямо под носом?

Чарли и не подумал об этом. Он немного поумерил свой пыл и даже тихо прошептал:

- О боже, - он осторожно ощупал свои длинные ноги.

- Ну и одиноким же ты будешь! Люди будут смотреть сквозь тебя, как через стеклышко, толкать и пинать тебя, ведь они же не знают, что ты рядом. А девочки, Чарли, девочки...

Чарли сглотнул.

- И что же с девочками-то?

- Ни одна девочка на тебя и смотреть не захочет. Никто ведь не захочет, чтобы ее целовал мальчик, у которого и губ-то не видать!

Чарли задумчиво ковырял землю пальцем босой ноги. Он надулся.

- Я все равно пока побуду невидимым. Уж я повеселюсь! Просто буду поосторожнее и все. Буду остерегаться фургонов, лошадей и отца.

Отец как только любой звук услышит, так сразу стреляет. - Чарли моргнул. - А вдруг, пока я невидимый, отец возьмет и засадит в меня крупной дроби, подумает что это белка в полисаднике. Ох...

Старуха кивнула, смотря на дерево.

- А что, и такое возможно.

- Ладно, - рассуждал он медленно, - сегодня я, пожалуй еще побуду невидимкой, а завтра ты меня обратно превратишь, пойдет?

- Эх, есть же люди, что выше головы прыгнуть хотят, - заявила старуха жуку, ползущему по бревну.

- Ты это о чем? - спросил Чарли.

- А вот о чем, - пояснила старуха, - нелегко-то будет тебя обратно превратить. Теперь много времени должно пройти, чтобы невидимость сама сошла. Она как краска, сразу не сойдет.

- Это ты во всем виновата! - вскричал он. - Ты специально все это подстроила! Сейчас же превращай меня обратно, делай меня видимым!

- О боже, успокойся. - Само сойдет, время пройдет и нога или рука

появятся.

- Ты только подумай, как я буду выглядеть – бегу я по холмам, и только одну руку и

видно?

- Словно пятикрылая птица прыгает по камням, по ежевике!

- Или нога одна!

- Словно розовый кролик в чаще скачет!

- Или только голова одна!

- Словно волосатый воздушный шар на карнавале!

- Когда же я полностью проявлюсь? – спросил Чарли.

Она прикинула, что, должно быть, не меньше года. Чарли застонал.

Потом захныкал, стал кусать губы и сжимать кулаки.

- Ты заколдовала меня, все это, ты, ты сделала! Теперь я не могу побежать домой!

Она подмигнула.

- Но, сынок, ты можешь остаться здесь, со мной, я тебя заботой окружу, холить и лелеять буду.

Он выпалил:

- Ты все это специально подстроила! Старая ведьма, вздумала оставить меня!

Внезапно он ринулся в кусты.

- Чарли, вернись!

Ни звука в ответ, только слышен топот его ног по мягкому дерну да сдавленные всхлипывания, которые вскоре прекратились. Она подождала немного, а затем развела костер.

- Он вернется, - прошептала она.

Затем, думая про себя, она размышляла:

«Теперь-то будет мне компания на всю весну и до конца лета. А когда устану от него, захочу покоя, тогда и отправлю обратно домой.»

Чарли вернулся беззвучно с первым серым проблеском рассвета, пробрался по белой, покрытой инеем, траве, прямо туда, где возле разбросанных обугленных бревен, словно сухой, обветренный сук, лежала старуха.

Он примостился на речной гальке и уставился прямо на нее.

Она не смела посмотреть на него или в его сторону. Он не издал ни звука, по которому она могла бы определить, что он рядом, поэтому как

она могла знать что он здесь? Никак не могла.

А он все сидел рядом и на его щеках были следы от слез.

Она претворилась, что только просыпается, хотя и не спала всю ночь напролет, встала, зевая и ворча что-то себе под нос, и повернулась лицом к рассвету.

- Чарли?

Взгляд ее блуждал, переходя с сосен на землю, на небо, с небо, на далекие холмы. Она все звала и звала его по имени, и иногда ей казалось, что она смотрит прямо на него, тогда она быстро отворачивалась.

- Чарли? О, Чарльз! – звала она мальчика, но лишь эхо вторило ее голосу.

А Чарли все сидел и даже немного улыбался – вот же он, совсем рядом с ней, а она этого не знает. Возможно, он чувствовал как какая-то неведомая сила возрастает в нем, возможно, он чувствовал защищенность от всего, что есть в мире, и, несомненно, это чувство ему очень нравилось.

Старуха заговорила вслух:

- Где же может быть этот мальчишка? Хоть бы звук услышать, знать, где он, и я, пожалуй, завтрак бы ему приготовила.

Она начала готовку, раздраженная его долгим молчанием. Старуха готовила бекон, нанизывая кусочки на ореховый прутик.

- Уж запах-то его точно привлечет, - пробубнила она. И только она повернулась к нему спиной, как он быстро схватил бекон и с жадностью проглотил. Старуха обернулась и вскрикнула:

- О боже!

Она с подозрением осмотрела все вокруг.

- Чарли, это ты?

Чарли вытер рот руками.

Старуха зашагала по прогалине, делая вид, что пытается его отыскать. Наконец, она придумала: как будто слепая, она пошла прямо на него, ища как бы на ощупь.

- Чарли, где же ты?

Словно молния, он присел, подскочил и пустился прочь. Она еле удержала себя от того, чтобы пуститься за ним вдогонку, но ведь нельзя же гоняться за невидимками! Поэтому старуха, сердито ворча, снова

села к огню жарить бекон. Но каждый раз, когда она отрезала себе кусочек, Чарли хватал его, шипящего над огнем, и убегал прочь.

Наконец, разгоряченная от злости, она закричала:

- Я знаю, где ты! Вот ты где! Я слышу, как ты бегаешь! – она показала пальцем не прямо на него, а чуть в сторону.

Он снова пустился бежать.

- Вот, теперь ты здесь! – прокричала Старуха, - Вот он ты, вот! – она тыкала пальцем туда, где он был все эти пять минут. – Я слышу, как ты примял травинку, слышу, как хрустнул цветок, сучок! У меня уши такие же чуткие, словно розовый лепесток! Я слышу, как звезды движутся в небесах!

Стараясь не шуметь, он спрятался в соснах. Оттуда донесся его голос:

- А вот и не услышишь, если я буду просто сидеть на камне! Вот так!

Он, как и обещал, весь день просидел на камне, на видном месте, на ветру, не двигаясь и не говоря ни слова.

Пока Старуха собирала в лесу хворост, она все время чувствовала его взгляд на своей спине. Ей так и хотелось крикнуть ему: «Да вижу я тебя, вижу! Одурачила я тебя, нет никаких невидимок! Вот он ты, рядом!» Но она держала себя в руках, подавляя злость.

На следующий день он стал вытворять всякие гадости. Он внезапно выскакивал из-за деревьев. Строил ей рожи – жабы, лягушачьи, паучьи, оттягивал губы вниз пальцами, выпучивал глаза, сплющивал нос так, что через ноздри можно было увидеть мозг и все его мысли.

Один раз хворост выпал из рук старухи. Она претворилась, что это сизая сойка напугала ее.

Он сделал такое движение, будто хочет задушить ее.

Она чуть вздрогнула.

Он сделал так, будто хотел ударить ее под колено и плюнуть на щеку.

Но она все это перетерпела, и глазом не моргнула, и бровью не повела.

Он высунул язык, и стал издавать странные звуки. Он шевелил своими большими ушами так, что ей очень хотелось засмеяться, и наконец, она хихикнула и быстро нашла этому оправдание:

- Вот те и на! Села на саламандру! Какая же колючая!

К полудню все это сумасшествие достигло крайней точки.

В тот же час Чарли примчался с долины совершенно голый!

Старуха чуть сознание не потеряла от потрясения!

«Чарли!» - чуть было не прокричала она.

Чарли мчался нагишом, взбираясь на одну сторону холма, и нагишом сбежал с другой, нагой, словно день, нагой, словно луна, словно солнце, словно новорожденный цыпленок, и его ноги мелькал и, словно крылья колибри, летящего над землей.

А старуха как будто язык проглотила. Что же ей сказать ему? Чарли, иди оденься? Как тебе не стыдно? Остановись? Может ли она сказать так? О, Чарли, Чарли, боже ты мой! Может ли она сказать это ему сейчас? Или нет?

Вот она видит, как Чарли вытанцовывает на большом камне, голый, словно новорожденный младенец, топает босыми ногами, хлопает руками по коленкам, то выпячивает, то втягивает свой белый живот, словно в цирке надувают белый шарик.

Она зажмурилась и начала молиться.

После трех часов всего этого безобразия она не выдержала:

- Чарли, Чарли! Пойди сюда! Я скажу тебе кое-что!

Он явился к ней, точно лист, упавший с дерева, и, слава богу, в одежде.

- Чарли,- сказала старуха, глядя на сосны, - я вижу палец твоей правой ноги. Вот же он!

- Правда? – спросил он с надеждой.

- Правда, - с грустью в голосе ответила она. – Он похож на рогатую лягушку в траве. А там, вверху, твое левое ухо в воздухе висит, словно розовая бабочка.

Чарли пустился в пляс от радости.

- Я проявляюсь! Проявляюсь!

Старуха утвердительно кивнула.

- А вот и лодыжка показалась.

- Давай мне обе ноги! – приказал Чарли.

- А вот и они.

- А как же с руками?

- Вижу-вижу, ползет одна по колену, словно длинноногий паучок.

- А другая?

- И другая тоже ползет.

- А туловище-то есть у меня?

- Появляется потихоньку.

- Ну а теперь только голова осталась и я домой пойду.

«Домой» - тоскливо подумала Старуха.

- Нет! – сердито и упрямо завопила она, - Нет у тебя головы!

Ничегошеньки нет!

Она сопротивлялась до последнего.

- Нет головы, нет ее, – все твердила она.

- Неужели нет? – захныкал Чарли.

- Да, боже мой, да, да, появилась твоя паршивая голова! – рявкнула она, сдаваясь, - А теперь верни мне летучую мышь с иглой в глазу!

Чарли бросил ей амулет.

- Яхууу!

Его возглас разлетелся по всей долине, и долго еще, пока он мчался домой, старуха слышала далекое эхо.

Немного погодя, изможденная старуха взяла свою вязанку хвороста и направилась назад, к лачуге, вздыхая и бормоча что-то себе под нос. А Чарли неотступно следовал за ней, теперь невидимый по-настоящему, поэтому старуха не могла узреть его, она только слышала как падает на землю сосновая шишка, как журчит подземный ручей, как белка карабкается по суку. А ближе к сумеркам она и Чарли сидели вместе у огня, и он был по-настоящему невидим, а она предлагала ему бекон, хотя и знала, что он его не возьмет. Поэтому съела все сама, поворожила немного и уснула рядом с Чарли, таким теплым, ее родным сыночком, и не важно, что сделан он был из веток, тряпок и камешков, вот он, приятно дремлющий в ее дрожащих материнских руках... И они все говорили и говорили в полусне о чем-то золотистом и приятном до самого рассвета, когда пламя в костре стало медленно, медленно чахнуть...